ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

Настроение у Мухи испортилось окончательно. Звонок начальника поломал планы майора милиции Николая Мухи съездить этим вечером на Нюклю[1] вдвоем с женой Катериной.

Он обещал своей красавице погулять у кромки прибоя, посидеть у костра, посмотреть на море, поговорить. Старому служаке редко удавалось выкроить вечер, который они могли бы провести только вдвоем. Да и погода сегодня будто в насмешку выдалась теплой не по-магадански. По предсказаниям синоптиков, со следующего дня Охотское побережье, накроют облака и зарядит унылый многодневный дождь.

За десять лет супружеской жизни такие выезды превратились в их семье в хорошую традицию, которую они ценили и бережно сохраняли. Вечера у моря обычно заканчивались одинаково – нагулявшись по зыбучему галечнику, наговорившись и опьянев от наполненного йодом воздуха, они разжигали костёр и усаживались на выброшенный волнами плывун – отшлифованные ствол дерева. Николай заботливо укутывал свою Катю в плед, после чего они долго наблюдали, как к постепенно темнеющему небу взлетают искры костра. Он бережно обнимал свою любимую, вдыхал запах её волос и испытывал щенячий восторг от простора вокруг и переполняющего их счастья. В такие часы хотелось одного – чтобы так было всегда, и их чувства друг к другу продолжались бесконечно. После каждого вечера вдвоём у моря жизнь в их семье вновь наполнялась особым смыслом. Николай спешил со службы в их маленькую, недавно полученную квартирку, где его ждала любимая и заботливо приготовленный ею ужин.

Теперь же ему придется мотаться по городу с каким-то журналистом.

- Газета, видишь ли! – никак не мог смириться с крушением планов на вечер майор.

У него был свой взгляд на то, что происходило со средствами массовой информации в последние месяцы. Благодаря объявленной молодым генсеком гласности, газеты свободно стали писать то, о чём ранее публично говорить было не принято. Будто по команде неведомого злодея, с упоением они методично вскрывали «язвы советского общества». Вслед за публикациями, коверкающими историю страны, стали писать о дедовщине в армии. Из-за этих публикаций – видимое ли дело – военкомат не может набрать призывников! А всё потому, что

---

[1] Нюкля (Сахарная Головка) - так назывался сегодня упразднённый посёлок, расположенный примерно в 30 км от Магадана на севере Тауйской губы. В переводе с эвенского *Нукуя* — «гниющая рыба».
4 июля 1928 г. в районе мыса высадилась Первая колымская геологоразведочная экспедиция. В память об этом событии на месте высадки экспедиции установлен памятный знак.
Сегодня Нюкля - место отдыха, рыбалки и проведения национальных праздников.
Нюкля привлекает не только рыбаков, но и обычных любителей отдохнуть на каменистом пляже под шум прибоя.

после таких газетных статей родители старались укрыть своих чад от армии через купленные медицинские справки о непригодности к воинской службе.

С началом антиалкогольной компании – в который уже раз в истории нашей страны – пресса приступила к активному освещению всего, что так или иначе связано с алкоголем. Вот и до милиции руки дошли, до их городского вытрезвителя – интересно стало газете, как он работает. Уехать на Нюклю, оставив журналиста одного на своих «головорезов», Николай не мог – потом такого понапишет…

Головорезами Николай в шутку называл бойцов городского отдела охраны общественного порядка, который он возглавлял несколько лет. Хотя, какие там головорезы – работа в их отделе была относительно спокойной, особенно если сравнивать её с той, чем занимались их коллеги из отделов уголовного розыска или борьбы с бандитизмом. Но люди со стороны, незнакомые с особенностями общественной безопасности, вполне могли усмотреть перегибы в действиях его подчинённых. Особенно, при наличии такого желания.

Историю оказания вытрезвителями медицинской помощи нуждающимся майор успел хорошо изучить. Первые вытрезвители на Руси, появившиеся в начале 1900-х, называли «приютами для опьяневших». Основной их задачей было спасение замерзающих на улице рабочих. Пациентов таких приютов бесплатно кормили и оказывали им необходимую медицинскую помощь. Особо умиляло Николая, что на в то время отрезвляющимся давали рассол и водный раствор нашатырного спирта. Многое тогда было по-другому – бедным и плохо одетым пациентам приютов, например, при выписке полагалась одежда и обувь.

Николай читал специальную литературу и не мог не признать эффективности работы «приютов для опьяневших». Согласно историческим данным, за первый год работы такого приюта в Туле, уличная смертность «от опоя» в этом городе уменьшилась почти вдвое.

Он и в работе их отдела старался использовать установленные для приютов правила. Например, считал, что далеко не каждого, крепко принявшего на грудь, надо сразу же везти в вытрезвитель. Также не каждого, менее захмелевшего, можно отпускать домой. Понимать надо, дойдет ли сам, не ввяжется ли по пути в нехорошую историю. Одним словом, нетрезвый человек требует повышенного к себе внимания, он, если хотите, – субстанция особая! Тут без его, Николая Мухи опытного и зоркого взгляда, трудно разобраться, кого оформлять на профилактическое вытрезвление, а кого лучше доставить к подъезду его же дома. Как бы то ни было, начальник отдела, имеющий за плечами двадцать лет службы в милиции, хорошо понимал: поручить журналиста никому из его подчиненных нельзя.

Хорошо знал Николай и историю современных вытрезвителей. Видно было отношение государства к ней, как к нелюбимой падчерице. После революции в России закрыли все «приюты для опьяневших», а в 1931-м вытрезвители стали

создавать при Наркомздраве СССР. Спустя несколько лет их передали в ведение НКВД, в дальнейшем – МВД.

Положение о медицинском вытрезвителе майор знал, как армейские уставы. По-другому нельзя – в этом документе подробно были расписаны правила работы. Клиентов медвытрезвителя можно было забирать из общественных мест, только если они достигали средней или тяжелой степени опьянения. Несовершеннолетних же настрого запрещалось помещать в вытрезвитель, это допускалось только в исключительных случаях, когда их личности и место жительства установить было невозможно. При поступлении и выписке всех осматривал фельдшер, он же при необходимости оказывал медицинскую помощь…

Около семи вечера в утонувшее по окна в земле здание вытрезвителя на Транспортной улице – типичный засыпной домишко[2], доставшийся городу от времён Севвостлага[3], вошёл молодой корреспондент.

- Павел, – представился он, – газета «Магаданский комсомолец». Поработаем сегодня вместе?

Несмотря на улыбку и открытый взгляд, гость майору не понравился. Николай мысленно похвалил себя за правильное решение остаться в этот вечер на службе и лично сопровождать этого щегла. От взгляда Николая не укрылось, что несмотря на молодость, журналист, как, впрочем, и вся остальная пишущая братия, не прост, и, значит, любой промах сотрудников его отдела тут же обратит в сенсацию. С ним надо повнимательнее.

Павлу в вытрезвителе всё было интересно. Он тут же плюхнулся на скамейку для поступающих и не мог не оценить её необычной конструкции. Скамейка наилучшим образом подходила для клиентов, которым трудно держать вертикальное положение на простом стуле. Устойчивость достигалась глубокой посадкой – коленки сидящих находились чуть ниже уровня их груди. Голова оказывалась в фокусе фотокамеры, закрепленной на стойке напротив.

- Поехали! – майор понял, что, если не увезёт этого жизнерадостного журналиста, тот начнёт заглядывать в помещения для клиентов. Хотя, привлекательного там мало – две комнаты, мужская и женская с рядами обычных железных кроватей, какие можно увидеть в палате любой больницы. В одной из них на этот час мирно спали, «оздоравливаясь», двое, нуждающиеся в отдыхе. Остальные койки пока ещё были пусты, но с началом работы патруля на маршруте, и они будут заполнены.

---

[2] Дом, в котором из соображений экономии при строительстве стен вместо брёвен использованы два ряда досок, пространство между которыми засыпалось смесью из шлака – отходов, остающихся от сгоревшего угля, и древесных опилок

[3] Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь, структурная единица системы исправительно-трудовых лагерей ОГПУ—НКВД—МВД СССР, существовавшая на территории нынешней Магаданской области в лице своего структурного подразделения «Дальстроя» - в 1930—1950-х годах

Видавший виды милицейский уазик с отсеком для клиентов в задней части, медленно покатил по Карла Маркса. Объезд города – обычное дело. Однако, в этот вечер в присутствие гостя майор почему-то нервничал.

- Смотрите! – Павел показал рукой на газон возле здания знаменитой первой школы[4]. Одного взгляда на парочку изрядно подвыпивших мужчин, которую майор заприметил раньше журналиста, было достаточно, чтобы понять, что они – клиенты их милицейского наряда. Один из них лежал на траве газона, второй безуспешно пытался поднять его «бездыханное» тело. Это стоило ему больших трудов – силы его также были подорваны изрядной дозой алкоголя. Когда он поднимал приятеля на подкашивающиеся ноги и опирал себе на плечо, тот соскальзывал и падал навзничь. Зрелище было жуткое. Мужичок, не умеющий соизмерять свои силы с допустимой для себя дозой, как только друг ставил его на ноги, словно мешок, набитый картошкой, всякий раз падал наземь, рискуя разбить голову.

За манипуляциями парочки наблюдало несколько учеников.

- Чего ждём, надо же их забирать? – журналист тронул за плечо майора, сидящего, как и положено старшему, на переднем сиденье уазика.

Николай медлил. Он и сам не мог себе объяснить, почему. Конечно, эти двое – их клиенты. Однако, присутствие ушлого журналиста, активно вмешивающегося в их работу, лишило его обычной уверенности. Подозрения в том, что Павел приставлен к их наряду неслучайно, и что он может быть частью хитроумного плана по дискредитации магаданской милиции, терзали душу майора...

- Пошли! – резко дал он команду, когда тело в очередной раз грохнулось в траву, а нос воткнулся в чернозём в какой-то паре сантиметров от столбика ажурной оградки. Этими оградами, чугунными, с фигурками медведей, отлитыми на Магаданском ремонтно-механическом заводе, были обнесены газоны всех центральных улиц города.

Николай с помощником и корреспондентом уже бежали к парочке. Майор понял – надо спешить, пока голова этого клиента не разлетелась на глазах у газетчика от удара об ограду.

Погрузка приятелей в уазик и их доставка к месту вытрезвления заняли несколько минут.

Там они были усажены на скамейку.

---

[4] - старейшая в Магадане средняя школы, построенная 17 марта 1937 года. Стройку лично контролировал первый директор треста "Дальстрой" Э.П.Берзин, понимавший необходимость оперативного введения в строй такого народно-хозяйственного объекта. 1 апреля 1937 г. она распахнула свои двери, и в новое каменное здание переехали ученики и учителя небольшой школы, работавшей в пос. Нагаево с 1929 г. С этого времени начался отсчет жизни учебного заведения, ставшего культурным центром зарождающегося города Магадана. В мае 1992 г. из-за ветхости здание школы было снесено.

О – чудо конструкции! Оба, и «мешок с картошкой» и его, теряющий равновесие более крепкий приятель, уверенно держались «в седле», пока их фотографировали и оформляли.

Как только за этими двумя закрылась дверь палаты, и наряд собрался вновь выехать на маршрут, в вытрезвитель забежал невысокий мужичок лет сорока и, минуя уже знакомую скамейку и сотрудника, оформляющего вновь прибывших, подбежал к двери женской палаты.

- Маша! – раздался его пронзительный голос, – Маша, ты здесь?

За дверью послышался шорох, и, несмотря на приглушающую звуки тяжелую дверь, уши резанул пронзительный женский фальцет, – Вася, я тут! Вася, забери меня, мне плохо!

На голос подруги Вася, а сомнений в том, что хозяин этого имени – тот самый мужичок, не оставалось никаких, тут же откликнулся новым криком:

- Маша! – ревел он зычным басом, плохо подходящим к его субтильной внешности. – Маша, потерпи! Сейчас я тебя освобожу.

- Суки! – на этот раз его бас приобрел гневные металлические нотки. – Женщину! Забрали! – продолжал он, обращаясь к майору и его подчиненным, – Теперь с женщинами воюете! Фашисты! Лучше меня заберите! – ещё более распаляясь, кричал Вася, – Её зачем, она жена моя, я люблю её!..

Из глаз Васи брызнули крупные слёзы, и он уткнулся лицом в стойку, едва не опрокинув закрепленную на ней фотокамеру.

От журналиста не укрылись сигналы, которые майор из-за спины, как он потом понял, втайне от него подавал подчиненным. Мол, выведите этого Васю куда подальше.

Бравые помощники Мухи тут же под руки увели Василия, но он продолжал какое-то время душещипательное общение с Машей из-за входной уличной двери.

Она, поняв, что голос борца за её свободу стал глуше, активизировала свои призывы – стала стучать и скрестись в тяжёлую дверь и еще жалобнее просить о помощи.

Оставаться и далее между криками этих двоих, стало невыносимо. Майор понимал, что корреспондента надо срочно увозить подальше от беснующихся Васи с Машей. Но как? Ведь этот писака представит в своей статье всё так, будто он, начальник отдела охраны общественного порядка майор Николай Муха допустил в вытрезвителе этот бардак и уехал.

Не понимая, что именно его присутствие смущает майора, Павел напрямую спросил Николая, почему им не оформить и этого Васю вслед за его женой, ведь он тоже пьян – это видно невооруженным глазом?

- Вы не правы, – ухватился за возможность разъяснить происходящее начальник отдела, – во-первых, никакая она ему не жена – так, выпивали вместе.

- Он говорит – жена! – уже неуверенно возразил Павел, понимая, что запутался.

Николай взял журналиста за локоть и заглянул в глаза – ему важно было установить контакт с этим, возможно, неплохим парнем и попробовать понять, в самом ли деле у него есть замысел опорочить его и его подчиненных.

- Поймите, – вкрадчиво начал Николай, – этот Вася не первый раз попадает к нам, и каждый раз с разными подружками.

- Так тем более – оформите его, и дело с концом, как работать в этом крике?

- Вы опять не правы, – Николай почувствовал, что сел на своего «конька» – о степени опьянения и её соответствии пограничной, за которой следует законное оформление в вытрезвитель, он мог говорить часами. Видя интерес журналиста к этому животрепещущему, особенно в данный момент, вопросу, он приготовился прочесть лекцию из области знаний, в которой считал себя профессионалом.

Но это намерение вновь прервал Василий.

- Суки! – кричал он, вновь вбежав в вытрезвитель, – Смелые, да? С женщиной бороться? Лучше меня заберите, а ее отпустите!

После того, как с журналистом стал устанавливаться первый доверительный контакт, Николай повёл себя увереннее. На этот раз он решил дать команду подчиненным сыграть оформление Василия в вытрезвитель. Бузотёра усадили на уже известную скамейку. Он притих. Вспышка фотокамеры ещё более отрезвила его. Он опустил голову к коленям и глубоко вздохнул. Маша, между тем, похоже, тоже устала стучаться в дверь и затихла.

Крики смолкли, и Николай решил вернуться к прерванной теме – не хотел упускать возможности рассказать о секретах профессии. Первоначальная неприязнь к корреспонденту стала уходить, перед ним стоял человек, пытающийся вникнуть в детали.

- С первого взгляда не всегда удается понять, стоит ли оформлять клиента на вытрезвление, это определяется по множеству факторов…

- Вася пьян, это очевидно, – не мог понять его Павел, – он мешает всем вам работать, оскорбляет милиционеров, что с ним возиться?

- Вы опять не правы, – продолжал майор таким же спокойным голосом, вновь придерживая журналиста за локоть и заглядывал ему в глаза. В этот момент Николай чувствовал себя преподавателем права в Омской школе милиции, где он учился. На лекциях их учитель детально разбирал статьи кодексов и прививал курсантам навыки по квалификации правонарушений.

- Если этот Василий мешает службе, его надо привлечь по другой статье, которая предусматривает штраф. Зачем же мы будем занимать под него койку в вытрезвителе? Она может понадобиться другому, более нуждающемуся.

- Он пьян, к чему эти условности? – Павел отказывался принимать логику Николая, пусть даже основанную на юридических знаниях.

- Вася, – тихий голос Маши из-за двери неожиданно прервал их разговор. Похоже, она отдохнула и решила возобновить борьбу за своё освобождение. – Вася, ты тут?..

Вася, который молча сидел на скамейке всё это время с задранными ногами, услышал подругу, поднял голову, и в его глазах впервые за последний час появилось осмысленное выражение.

Когда из-за двери вновь раздался голос Маши, Василий зашелся в диком хохоте. Он не мог, да и не хотел останавливать свой громкий смех. В глотке Васи что-то клокотало и булькало, ему удавалось сделать лишь короткие вдохи. Наконец, Василий вскочил со скамейки и закричал:

- Ах ты, сука! – вся сила его баса с уже знакомыми гневными нотками на этот раз была направлена в сторону двери, за которой находилась Маша, наивно надеясь на помощь своего друга. А Василий, между тем, продолжал:

- Ты думала просто так водку жрать? Вот посиди теперь тут!

С этими словами Василий стемглав выбежал из вытрезвителя, больше его в этот вечер в стареньком домишке на Транспортной не видели.

...Журналист так и не смог понять логику майора, которой тот пользовался для определения готовности клиентов к оформлению на вытрезвление. Тем не менее, Николай и Павел, неожиданно подружились.

Майор убедился в отсутствии подвоха в действиях газетчика. Причиной его визита в вытрезвитель и участия в выездах с его бригадой было обычное репортерское любопытство и желание рассказать об увиденном читателям. Далеко не каждый имел представление о работе этих профилактических учреждений. Это во многом было причиной появления множества баек и страшилок о вытрезвителях в народе. В отличие от уголовного розыска или службы по борьбе с бандитизмом, о которых написано немало книг и сняты десятки художественных фильмов, информации о милиции общественной безопасности оказалось на редкость мало.

В рамках кампании по борьбе с алкоголизмом репортаж в молодежной газете оказался весьма кстати. После публикации, совершенно неожиданно, о возглавляемом Николаем отделе зашел разговор на коллегии городского управления внутренних дел. Его и его подчиненных хвалили и, что совсем оказалось удивительным, – наконец-то были выделены ежегодно запрашиваемые средства на ремонт давно отжившего своё домика городского вытрезвителя.

После ремонта известный нам дом на Транспортной засиял свежевыкрашенными стенами и наличниками. Он как будто приподнялся над землей и стал казаться повыше. Соседи по улице – такие же дома-ровесники рядом с обновленным красавцем выглядели совсем дряхлыми строениями.

По иронии судьбы в таком виде медвытрезвитель просуществовал недолго. Очень большому реформатору, вошедшему в историю России многими «мудрыми» решениями, наименее вредным из которых, наверное, является переименование милиции в полицию, показалось, что подбирать пьяных и оказывать им помощь – не дело МВД.

Сначала вытрезвители планировалось передать в ведение ведомства, отвечающего за здоровье российских граждан, но на фоне антиалкогольных мер этим планам так и не суждено было сбыться. В 2011 году медвытрезвители в России были ликвидированы как класс. Это при том, что пить в России стали больше, и пьяных на улицах не убавилось.

Справедливости ради стоит отметить, что большому начальственному решению подчинились не все. На свой страх и риск руководители нескольких российских регионов сохранили вытрезвители. Стоит ли говорить, что это потребовало от них определенного мужества, поскольку финансирование вытрезвителей из региональных и местных бюджетов считалось нецелевым.

История, как известно, развивается по спирали.

Спустя десять лет здравый смысла вновь взял верх. По новому закону вытрезвители получили законное право на существование уже на платной основе. А полицейским опять вменили в обязанность доставлять подвыпивших граждан не только в больницы, но и в вытрезвители.